

С. Л. Утченко

УЧЕНИЕ ЦИЦЕРОНА О СМЕШАННОЙ ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И ЕГО КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Учение о смешанной форме государственного устройства играло определенную и весьма заметную роль в политических теориях древности.

Оно возникло в качестве составной части этих теорий еще у древнегреческих мыслителей (в частности у Платона) и получило свое развитие в общественно-политических концепциях представителей эллинистической и римской идеологии. В сочинении Цицерона *De re publica* учение о смешанной форме государственного устройства занимает по своему значению одно из первых мест.

Это учение и, в частности, соответствующие воззрения Цицерона не раз служили предметом внимания буржуазной историографии. Однако буржуазные историки проявляли к этому вопросу односторонний и специфический интерес. Их занимала главным образом проблема источников или формальные стороны учения о смешанном государственном устройстве, тогда как его классовая сущность намеренно оставлялась в тени.

В действительности же концепция смешанного государственного устройства имела в политических системах Платона и Цицерона вполне определенный классовый смысл. Это было глубоко реакционное учение, характерное для идеологии господствующих верхов рабовладельческого общества. Его следует понимать как попытку правящего класса в эпоху кризиса рабовладельческого общества идеологически обосновать отказ от демократических форм правления и найти «теоретическое оправдание» своего безраздельного господства. Особенно наглядно эту тенденцию можно проследить путем анализа учения о смешанной форме государственного устройства в той интерпретации, какую дает ему Цицерон.

Центральной идеей раздела сочинения Цицерона *De re publica*, который сам автор определял как раздел, посвященный проблеме *de optimo statu civitatis* (Cic., *Ad Qu. fr.*, III, 5, I), является учение о «смешанной форме» правления. Наиболее развернутое определение этой формы, как составленной из трех простых, Цицерон дает в конце I книги *De re publica*. Он говорит: *quod ita cum sit e tribus primis generibus longe praestat id quod erit aequatum et temperatum ex tribus optimis rerum publicarum modis* (*De re p.*, I, 45, 69; в дальнейшем цитируется без названия произведения). Здесь же поясняется, какие именно начала должны войти в качестве компонентов в эту смешан-

ную форму, как они должны сочетаться друг с другом и взаимно умерять друг друга: *placet enim esse quiddam in re publica praestans et regale, esse aliud auctoritati principum partitum ac tributum, esse quasdam res servatas indicio voluntatique multitudinis* (там же).

Преимуществами этого смешанного устройства является, во-первых, некое великое равенство (*aequabilitas magna*), которое едва ли может быть продолжительное время уделом простых форм государственного устройства, а затем — прочность (*firmitudo*), тоже такое свойство, которым едва ли могут похвалиться простые формы, слишком легко вырождающиеся *in contraria vitia*. Для смешанных форм подобное вырождение почти исключено (оно может иметь место лишь при каких-то особых пороках правителей!), ибо *non est enim causa conversionis ubi in suo quisque est gradu firmiter collocatus et non subest quo praecipitet ac decidat* (там же).

Однако к этому развернутому определению смешанного государственного устройства Цицерон подходит далеко не сразу. Значительная часть I книги посвящена сравнительному описанию простых форм.

Проследим, как развивается рассуждение Сципиона о государстве, составляющее основное содержание I книги. Им устанавливаются три простых формы государственного устройства: монархия или царство (*regnum*), аристократия (*civitas optimatum arbitrio regi*) и демократия (*civitas popularis*) (I, 26, 42). Ни одна из этих форм не считается Сципионом совершенной, он считает их лишь терпимыми (там же), недостатки их подчеркиваются и, в особенности, тот главный порок, что каждая из этих форм, взятая в отдельности, не имеет устойчивости и легко превращается в соседнюю ей извращенную форму (I, 28, 44). Так возникают своеобразные циклы и кругообороты сменяющих друг друга государственных форм, от которых застрахована лишь некая четвертая форма государственного устройства, т. е. смешанная из трех уже названных (I, 29, 45).

После этого введения Сципион, казалось бы, должен был перейти к определению смешанной формы. Но здесь Лелий обращается к нему с просьбой ответить на вопрос о том, какую из трех уже названных простых форм Сципион считает наилучшей (I, 30, 46). В середине этого обращения текст обрывается. Сципион, как это явствует из дальнейшего, соглашается, но, очевидно, говорит, что ответ не так прост, ибо мнения расходятся, и излагает сначала точку зрения сторонников демократии (здесь текст восстанавливается), затем — сторонников правления оптиматов (I, 31, 47—34, 53), но сам не высказывается ни за, ни против и уклоняется от оценки. Тогда Лелий снова спрашивает его о том, какую же форму из трех названных он одобряет более всего (I, 35, 54). С оговоркой о предпочтении смешанной формы (это, конечно, ослабляет последующее заключение) Сципион говорит о том, что из простых форм он наиболее одобряет царскую (*regium*) (I, 35, 54). Затем, с помощью различных примеров и аналогий он пытается убедить Лелия в правильности этой мысли и снова подходит к вопросу о различных вырождениях простых государственных форм (I, 42, 65 сл.), по сравнению с которыми только смешанная форма является устойчивой. Как и в начале диалога (I, 28, 44—29, 45), необходимость смешанной формы выводится, главным образом, из факта неустойчивости форм простых. Однако, в противоположность Полибию, для Цицерона это отнюдь не единственный недостаток: Полибий (VI, 5—9) противопоставляет *ἀναρχία* сис простых форм прочности Ликургова смешанного устройства. Его критика простых форм исходит целиком из этого противопоставления, в то время как у Цицерона она увязана с представлением о нравственных основах государства. Для Цицерона смешанное государственное устройство прежде всего является единственно адекватным

(в области социальной и политической!) выражением идеи справедливости. Таковы основные тенденции речи Цицерона, вводящей в римскую теорию идею о смешанном государственном устройстве. Каковы же источники этого учения?

Здесь прежде всего следует указать на то, что учение о смешанной форме правления разрабатывалось еще греческой философской мыслью. В известной работе Вехова¹, которая в значительной своей части сохраняет интерес и значение по сей день, дан широкий обзор этих высказываний. Если говорить об источниках Цицерона в *De re publica*, следует, очевидно, назвать в первую очередь Платона² (что неоднократно подчеркивает сам Цицерон) и Полибия³. Можно еще предположить влияние Дикеарха, который со времен Озанна⁴ считается также одним из творцов теории смешанного устройства, хотя по справедливости следует заметить, что известное место из Фотия (*Bibl.*, 8^a), на которое более всего опирался Озанн, едва ли может быть приписано Дикеарху без новых доказательств⁵, и поэтому, пожалуй, будет осторожнее признать точку зрения Вилламовица, который хоть и допускает возможность и вероятность влияния Дикеарха, но говорит, что «доказательство едва ли возможно»⁶.

Но особенно важным и интересным представляется вопрос о Платоне как источнике *De re publica*. Характер влияния Платона нам кажется чрезвычайно своеобразным и отражает, на наш взгляд, скрытую полемику и даже «борьбу» Цицерона со своими источниками, которая доказывается ярче всего именно на этом примере (т. е. характере влияния Платона).

Влияние Платона на учение о смешанном государственном устройстве, изложенное в *De re publica*, бесспорно и отнюдь не исчерпывается указаниями самого Цицерона на это влияние. Скорее наоборот, оно может быть вскрыто и показано наиболее ярко в тех разделах и на тех звеньях теории Цицерона, где оно явилось безотчетным и едва ли сознавалось самим Цицероном. Так, например, есть все основания говорить о влиянии III кн. «Законов» на теорию *μικτὴ πολιτεία* Цицерона.

Основная задача III кн. «Законов» состоит в том, чтобы определить существо и формулу *ἀρίστη πολιτεία* (III, 701e). На ошибках, которые имеются в конституциях исторических государств, следует учиться тому, как должна быть сконструирована эта *ἀρίστη πολιτεία* (III, 683b). Этот тезис пронизывает обзор системы трех «монархий»: Спарты, Мессении, Аргоса, а также Персидского государства и афинской демократии. В качестве *ἀρίστη πολιτεία* признается лишь смешанное устройство Спарты, которая, в противоположность Аргосу и Мессении (как впрочем, Афинам и Персидскому государству), одна только и сохраняет *μέτρον*, т. е. истинную меру, правильное смешение (III, 692—693).

Затем показываются «прототипы» основных государственных устройств в их наиболее чистом выражении и их развитии: персидская монархия и афинская демократия — как на вершине своего расцвета, так и в эпоху кризиса. Этим как бы подчеркивается, что каждое государство в какой-то мере соприкасается с этими двумя чистыми формами: монархией и демокра-

¹ В е х о в, Сочинение Цицерона «О государстве», Спб, 1882.

² V. P ö s c h l, *Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero*. Brl., 1936.

³ См. F. T a e g e r, *Die Archaeologie des Polybios*.

⁴ F. O s a n n, *Beiträge zur griech. und römisch. Literaturgeschichte*, II, 1839.

⁵ См. например, основательные возражения F. E g e r m a n n'a, «*Sitzb. Wiener Ak.*», 1932, стр. 61 сл.

⁶ W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f, *Der Glaube der Hellenen*, II, стр. 285 сл.

тией, если только «свобода и дружба в союзе с разумом» воплощены в государственной жизни. Это должно означать, что демократический элемент, т. е. *ἐλευθερία*, и монархический элемент — видимо, *φιλία* или *φρόνησις*, всегда должны быть налицо. Афины и Персидское государство до тех пор процветали и были могущественны, пока в них осуществлялись *ἐλευθερία*, *φιλία*, *φρόνησις*, но как только исчезла *μετριοτης* и наступило господство крайностей, сразу же начался упадок этих государств (III, 701e).

Хотя из вышеприведенных рассуждений Платона остается не совсем ясно, как из сочетания «чистых форм» может получиться искомая «смешанная» государственная форма, но тем не менее идейное воздействие этой Платоновой схемы на Цицерона не вызывает сомнения. В политической теории, которая положена в основу речи Сципиона, подчеркивается, что смешанное устройство предлагает не только сочетание чистых форм в смысле объединения монархического, аристократического и демократического элементов, но и сочетание тех достоинств, которые по отдельности заключены в чистых формах. Чрезвычайно любопытно в этом отношении наблюдение над тем, как три «государственных элемента» Платоновых «Законов»: *φιλία*, *φρόνησις*, *ἐλευθερία*, распределены между тремя «чистыми формами» в *De re publica*. Здесь говорится: *ita caritate nos capiunt reges, consilio optimates, libertate populi, ut in comparando difficile ad eligendum sit quid maxime velis* (I, 35, 55). Разница состоит лишь в том, что Платоновы «государственные элементы», которые у самого Платона отнюдь не связываются определенно с тем или иным видом государственного устройства и скорее даны в виде предпосылок к «оптимальным вариантам» государственных форм, у Цицерона, наоборот, точно распределены по чистым формам: *φιλία* отнесена к монархии, *φρόνησις* — к аристократии, *ἐλευθερία* — к демократии. Но, как бы то ни было, три «государственных элемента» Платона невольно приходят на ум в связи с тремя «чистыми формами» и выводимой отсюда в *De re publica* теорией смешанного государственного устройства.

Вполне вероятно, что подобные примеры заимствований у Платона могут быть значительно увеличены. Однако, на наш взгляд, не наличие этих примеров характерно для принципиальных установок трактата Цицерона, но как раз иная и более мощная струя, свидетельствующая о том направлении, которое мы уже определили как полемику с источником.

Даже вышеприведенный пример «заимствования» у Платона может быть использован для доказательства наличия существенных расхождений с Платоном, когда идет речь о принципиальных установках автора *De re publica*. Платон начинает все изложение теории государства с проблемы справедливости, Цицероном же эта проблема вводится как «дополнительная». Коренное и принципиальное отличие от Платона как раз состоит в том, что «извечная справедливость» не связывается в *De re publica* с какой-либо государственной формой или стросм, формы сами по себе индифферентны и становятся справедливы или несправедливы в зависимости от качеств носителей власти. Собственно, целиком в этом плане построено только что приведенное рассуждение Цицерона (I, 35, 55), ибо *caritas* является свойством носителя власти, а отнюдь не заложено в самой форме, как, впрочем, и *consilium* и даже, в какой-то степени, *libertas*. Подобная же точка зрения развивается также при определении преимуществ смешанной формы государственного устройства, где говорится, что ее вырождение невозможно *sine magnis principum vitiis* (I, 45, 69).

Хотя сам Цицерон и ссылается на то, что его учение о переходе чистых форм в *contraria vitia* заимствовано у Платона (I, 42, 63), но его изложение процесса и причин вырождения существенно отличается от Платоно-

вой схемы. У Цицерона мы, собственно говоря, не видим определенной закономерности в развитии форм и смены их друг другом. Вообще, по Цицерону, простые формы «прыгают, как мячи», и только смешанная форма, как уже неоднократно упоминалось, является наиболее устойчивой, и в ее рамках возможно осуществление истинного равенства, т. е. равенства по достоинству.

Принципиально различным оказывается и общее представление о государстве. В отличие от идеального государства Платона, которое имеет абсолютную годность, является вечной нормой, совершенное государство Цицерона — это построенное, годное лишь для Рима, образец, который связан даже с определенной эпохой. Государство Платона — это идея, государство Цицерона закреплено в истории и природе, оно исторически существует — это римское государство. Исходя из понятия общества и *res publica* = *res populi*, Цицерон рассматривает развитие и смену простых форм не вообще, но на примере именно римской истории. Основным пороком простых форм является их неустойчивость, их недолговечность, и только смешанная форма может считаться стабильной, причем эта стабильность поднимается Цицероном до провозглашения вечности государства: *debet enim constituta sic esse civitas ut aeterna sit* (III, 23, 34) или: *de illa immortalitate rei publicae sollicitior quae poterat esse perpetua, si patriis viveretur institutis et moribus* (III, 29, 41). Последнее воззрение является «типично-римским» и находит свое дальнейшее развитие у Вергилия (Аен., I, 279), Горация (Сарм., III, 5; III, 30) и, по свидетельству Светония (Aug., II, 21), у самого Августа. И, наконец, даже форма диалога, несмотря на ее внешнюю зависимость от соответствующего обрамления Платоновой «*πολιτεία*», на самом деле глубоко полемична и заострена против Платона. Здесь все, и с явным вызовом, переделано на «римский лад». У Платона диалог происходит на празднике фракийской богини, в доме человека, не являющегося даже гражданином государства, у Цицерона — во время *feriae Latinae*, в доме первого гражданина и политического вождя Сципиона. Таким образом, весь диалог получает принципиально иную (и «чисто-римскую») окраску. И если Платон заключает свое «государство» апофеозом, в котором выступает некий воин, павший в бою и очнувшийся от десятидневной очевидной смерти, то Цицерон дает в заключение диалог римских героев, образцовых мужей, и мотивировкой введения этого диалога является не «десятидневная смерть», а вполне правдоподобный вариант сна. У Платона его произведение кончается апофеозом философа, у Цицерона — апофеозом государственного деятеля.

И вообще все то, что в *Somnium* звучит по греческим мотивам, все — переделано на «римский лад» и поэтому вместе отыскивания греческих прототипов, может быть, имеет смысл обратить большее внимание на удельный вес и принципиальное значение этих специфически-римских элементов.

Если все приведенные места являются до известной степени как бы «скрытой полемикой», то не следует забывать, что в *De re publica* мы встречаемся и с прямыми выпадами против Платона (и при этом с весьма примечательным присоединением к позициям Катона!): *facilius autem quod est propositum consequar, si nostram rem publicam vobis et nascentem et crescentem et adultam et iam firmam atque robustam ostendero, quam si mihi aliquam, ut apud Platonem Socrates, ipse finxero* (II, 1, 3).

Чрезвычайно существенным для выяснения политических и идеологических воззрений Цицерона оказывается следующее наблюдение: изложение развития и смены простых форм на конкретном примере римской истории во II кн. *De re publica* перерастает в явную полемику с греческими «образцами», в противопоставление римского государства и его истории —

государству и истории греческой. Уже в самом начале II кн. чрезвычайно симптоматично выглядит апология Катона — этого «истого римлянина», заклятого врага всех иноземных *flagitia*, в котором персонифицированы древнеримские добродетели (II, 1, 1). Затем, со ссылкой на него же, приводится рассуждение о преимуществах устройства римского государства по сравнению с государственным устройством Крита, Спарты и Афин, созданным благодаря законам и учреждениям отдельных государственных деятелей. И далее говорится: *nostra autem res publica non unius esset ingenio, sed multorum, nec una hominis vita, sed aliquot constituta saeculis et actatibus* (II, 1, 2). Рассуждение завершается новой ссылкой на Катона (о необходимости изучения *originem populi*) и уже упоминавшимся выше прямым полемическим выпадом против Платона.

Несомненно полемический характер носит и рассуждение о выборе места для основания города. Здесь чувствуется стремление противопоставить Рим греческим приморским полисам, т. е. наиболее типичной разновидности греческих государств. Через все рассуждение красной нитью проходит мысль о необходимости *diuturnam rem publicam serere* (II, 3, 5—6), несомненно, близко перекликающаяся с убеждением Цицерона в вечности римского государства. Не менее полемично противопоставление выборной царской власти, существовавшей, по мнению Цицерона, у древних римлян, — воззрениям Ликурга, который якобы настаивал на том, что цари не могут быть выбираемы, поскольку они должны принадлежать к роду, ведущему свое происхождение от Геркулеса (II, 12, 24).

И, наконец, одним из наиболее ярких примеров полемики с греческими образцами и одновременно восхваления римской самобытности может служить факт отрицания Сципионом (путем сопоставления хронологических данных) той версии, что Нума Помпилий был учеником Пифагора или хотя бы его последователем. Это рассуждение заключается чрезвычайно ярким и выразительным пассажем, который невольно ощущается (хотя здесь мы не имеем никакой ссылки) как цитата или переложение высказываний Катона: *ac tamen facile patior non esse nos transmarinis nec importatis artibus eruditos, sed genuinis domesticisque virtutibus* (II, 15, 29).

Подобные примеры политических суждений Цицерона, несомненно, могут быть увеличены в числе (например, *De re p.*, II, 23, 42—43 и т. д.), но, пожалуй, вполне достаточно и вышеприведенных для того, чтобы общая тенденция этой полемики стала в достаточной степени ясна. Таково учение Цицерона о смешанном государственном устройстве, и таковы, на наш взгляд, отношения, в которых стоит Цицерон к источникам этой теории.

Перейдем к выяснению классовой сущности этого учения. Поскольку мы не обсуждаем вопроса о политических тенденциях трактата в целом, мы, не останавливаясь на анализе и оценке отношения Цицерона к чистым формам (что уже, кстати, неоднократно служило предметом исследования¹), займемся только политическим значением и классовой сущностью самой теории смешанного государственного устройства.

Несмотря на «полемику» Цицерона со своими греческими источниками и, в первую очередь, с Платоном, учение о смешанной форме государственного устройства было заимствовано Цицероном именно из сферы греческой политической идеологии, и с этим фактом нельзя не считаться. Так, например, учение о смешанном государственном устройстве играло вполне определенную роль в идеалистической и реакционной системе Платона и, в частности, в его воззрениях на государство. Если классовая сущность

¹ См. например, С. И. Протасова, Трактат Цицерона «О государстве», «Уч. зап. Саратовского ун-та», VI, вып. III (1927).

теории государства Платона сводилась к оправданию и прославлению разделения труда «между массами, поглощенными простой физической работой, и немнестими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а также искусствами и науками» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 184), т. е. того разделения труда, имя которому рабство, — то представление о смешанном государственном устройстве было представлением о такой форме рабовладельческого государства, которая наилучшим образом обеспечивала и закрепляла подобное «разделение труда». Отсюда классовый, рабовладельческий характер теории смешанного государственного устройства.

Не менее ярко выраженный реакционный характер имело и учение Цицерона о смешанной форме государственного устройства. Как уже было отмечено, буржуазная наука вовсе элиминирует вопрос о его классовой сущности, сознательно извращая и выхолащивая социальное содержание этого учения. Нашей же задачей является анализ классовых корней теоретических построений Цицерона в их связи с основными лозунгами его политической практики. Только таким путем мы и можем установить, интересам каких социальных групп и классовых прослоек отвечали основные положения теории смешанного государственного устройства.

Так как для Цицерона его совершенное государство отнюдь не идеальная норма, но исторический факт, т. е. само римское государство, то и смешанное устройство, по его мнению, было воплощено в жизнь в истории Рима. Само собой разумеется, как это и характерно для римского политического мышления (ср. *Sa II, Cat., 6—12*), воплощение данного устройства относится к прошлому, к «временам maiores». Так, например, Цицерон, подкрепляя свое мнение ссылкой на авторитет Панеттия и Полибия — *duobus Graecis vel peritissimis rerum civilium*, говорит, что *optimum longe statum civitatis esse eum, quem maiores nostri nobis reliquissent* (I, 21, 34). После наиболее развернутого определения смешанного государственного устройства (I, 45, 69), как раз в том месте, где Цицерон отказывается от дальнейших рассуждений отвлеченного и «научного» характера и переходит к изложению конкретно-исторического материала, им снова подчеркивается, что смешанное устройство для определенной эпохи истории Рима было реальным фактом: *sic enim decerno, sic sentio, sic adfirmo, nullam omnium rerum publicarum aut constitutione aut descriptione aut disciplina conferendam esse cum ea, quam patres nostri nobis acceptam iam inde a maioribus reliquerunt* (I, 46, 70).

Какая же это эпоха? Как локализует Цицерон во времени воплощение смешанного государственного устройства в Риме? В корне неправильно было бы думать, что Цицерон имеет в виду древнейшие времена: период царей или начальную эпоху республики. Наоборот, то, что говорится по этому поводу — *itaque cum patres rerum potirentur, numquam constitisse civitatis statum*. Multo iam id in regnis minus, quorum, ut ait Ennius «*nulla [regni] sancta societas nec fides... est*» — делает подобное предположение абсолютно ненужным и невозможным. Более того, сам Цицерон неоднократно подчеркивает, что смешанный государственный строй в Риме был установлен постепенно, на протяжении многих поколений и не является творением отдельных законодателей (ср. II, 1, 2; II, 21, 37).

Вторая книга *De re publica* призвана на конкретных примерах римской истории проиллюстрировать основное положение автора о безусловном превосходстве «смешанной формы» и показать на основе анализа развития «простых форм», как и когда сложилось это совершенное устройство римского государства. Но так как трактат Цицерона полностью до нас не дошел и одна из лакун как раз относится к тем разделам, где, видимо, излагался период расцвета республики, то мы в кн. II имеем лишь описание

процесса постепенного образования этого совершенного строя на примере двух больших исторических периодов: эпохи царей и ранней республики (до децемвирата). (С. И. Протасова, ук. соч., стр. 271).

Из этого уже с достаточной ясностью вытекает, что совершенный строй Цицерона, это — «сенатский режим эпохи расцвета республики» (там же), т. е. строй, созданный и осуществленный *maiores* до эпохи Гракховых смут, т. е. до того, как смерть Тиберия *divisit populum unum in duas partes* (I, 19, 31). Таким образом, эпоху претворения в жизнь смешанного государственного устройства мы можем локализовать довольно точно: это, очевидно, период, установившийся после окончания борьбы патрициев и плебеев и продолжавшийся до выступления Гракхов.

Каковы же наиболее существенные и характерные черты этого периода? Так как описания интересующей нас эпохи, как уже упоминалось, до нас не дошло, то отвечать на этот вопрос приходится, используя лишь косвенные, и к тому же довольно скудные, данные. Тем не менее, на наш взгляд, подобный ответ вполне возможен.

Этот ответ вытекает из анализа последующих разделов. Но прежде всего нам необходимо вернуться к тому краткому, и все же наиболее развернутому (по сравнению с аналогичными упоминаниями) определению «смешанного устройства» (I, 45, 69), с которого мы и начинали наше изложение. Цицерон, как уже указывалось, отмечает два основных преимущества «смешанной формы»: *aequabilitas* и *firmitudo*¹. Относительно второй из этих черт, т. е. устойчивости, нами уже многое сказано выше (стр. 74—75), посмотрим, какой смысл Цицерон вкладывал в понятие первой черты — *aequabilitas*.

Истинная *aequabilitas* — это такое равенство, которое существует при смешанном устройстве и которое обеспечивает *concordia in civitate*. Но равенства в отношении имущественном, а тем более в отношении способностей, не может и не должно быть. Если так, то, очевидно, можно и следует говорить о равенстве для граждан лишь в одной области, а именно, о равенстве прав. Государство и есть не что иное, как «общность» права².

Но Цицерон, конечно, понимает это равенство прав для граждан достаточно своеобразно. Цицероновое «равенство прав» предполагает определенную «градацию по достоинству»: *tamen ipsa aequabilitas est iniqua, cum habet nullos gradus dignitatis* (I, 27, 43).

При смешанном устройстве эта «градация по достоинству» соблюдается (что, кстати, по мнению Цицерона, немыслимо при демократии), и в этом заключается лучшая гарантия устойчивости смешанной формы и невозможности политических переворотов: *non est enim causa conversionis, ubi in suo quisque gradu firmiter collocatus et non subest quo praecipitet ac decadat* (I, 45, 69).

Поэтому с явной симпатией относится Цицерон к близкому по мысли в данном случае рассуждению сторонников демократии (недаром в этом разделе, как уже указывалось, он переходит от косвенной речи к прямой и тем самым как бы присоединяется к изложенным взглядам) о том, что при согласии народа строй прочен и в том государстве, где существует общность интересов (*utilitatis*), обеспечена *concordia* (I, 32, 49). Все

¹ Там же: *haec constitutio habet aequabilitatem quamdam magnam... deinde firmitudinem*.

² *De re p.*, I, 32, 49; *Si enim pecunias aequari non placet, si ingenia omnium paria esse non possunt, iura certe paria debent esse eorum inter se, qui sunt cives in eadem republica. Quid est enim civitas nisi iuris societas?* Следует оговориться, что хотя в цитируемом параграфе излагаются воззрения сторонников демократии, но со слов *qua re cum lex sit...* и т. д. Сципион переходит к *oratio recta* и, очевидно, здесь мы имеем дело со взглядами и убеждениями самого Цицерона.

дело в том, что, по мнению Цицерона, при демократическом образе правления подобное положение долго удержаться не может, но при смешанной форме это вполне возможно, и в «общности прав и интересов», в *concordia civitatis* (*populus consors*) мы, несомненно, имеем тот «демократический компонент», который Цицерон считает нужным включить в свое смешанное устройство¹. Вообще *concordia in civitate* — необходимое условие и важнейший признак совершенного государственного устройства.

Во II кн. содержится чрезвычайно интересное рассуждение о долге и обязанностях государственного деятеля. Сципион говорит, что у этого деятеля (руководителя государства) есть, собственно говоря, одна обязанность, которая включает в себя все остальные: никогда не отступать от наблюдений за самим собой, призывать других к подражанию себе и быть для сограждан блестящим образцом в силу величия души и образа жизни. И затем начинается развернутое сравнение гармонии в области музыки и пения с гармонией сословий, с гармонией государственной жизни (II, 42, 69). В этих сравнениях ярко подчеркивается необходимость гармонии сословий, как основы *concordia in civitate*, перекидывается мост от теоретических построений Цицерона к его политической практике. Оно показывает, прежде всего, что учение о смешанном государственном устройстве есть не что иное, как теоретическое обоснование главных политических лозунгов Цицерона, применяемых им в его практической деятельности, и тесно связано с ними. Это — лозунги *concordia ordinum* и *consensus bonorum omnium*, которые красной нитью проходят через политическую деятельность Цицерона и, видимо, являются для него политическим *specto* и панацеей от всех зол и опасностей, угрожающих государству.

Применение их Цицероном знаменует прежде всего определенный этап в его политической практике. Цицерон, как известно, в начале своей адвокатско-политической карьеры выступал с позиций разоблачителя оптиматов.

Выдвижение лозунга «согласие сословий» знаменует собой переход на новые политические рельсы: отказ от оппозиции по отношению к нобилитету и стремление к блоку между «господствующими сословиями», т. е. между сенатом и всадниками². Пропаганда этого блока становится одной из основных задач практической деятельности Цицерона как политика. Первое упоминание о возможности блока, о *concordia ordinum*, дает нам даже возможность достаточно точно датировать переход Цицерона на эти новые политические рельсы. Он совершился в том же 66 г., в период между выступлением Цицерона за Манилиев закон и речью за Клуенция.

Действительно, в речи *Pro Cluentio* Цицерон впервые говорит о возможности такого блока и уверяет, что лучшая часть сенаторов сама желает объединиться с всадниками «теснейшими узами согласия»: *nam ii senatores, qui se facile, tuentur integritate et innocentia, quales ut vere dicam, vos estis et ceteri, qui sine cupiditate vixerunt, equites ordini senatorio dignitate proximos, concordia coniunctissimos esse cupiunt* (*Pro Cluent.*, 55, 152).

Но особенно ярко лозунг *concordia ordinum* и *consensus bonorum omnium* подчеркивается и пропагандируется Цицероном в эпоху расцвета его политической карьеры, во время борьбы с Катилиной. Борьба с Катилиной изображается как объединение всех благонамеренных граждан против грозящей государству опасности, как согласие сословий, небывалое со дня основания города. Уже в заключительных пассажах первой «Ка-

¹ Ибо оно и состоит из положительных сторон всех трех чистых форм. См. De re p., I, 24, 42, 29, 45, 35, 54, 45, 69; II, 23, 41.

² См. Тронский, История античной литературы, 1947; ср. C. I. a. s. e. g. i. Cicerone ei suoi tempi, II, 1930, стр. 385.

тилинарии» проводится эта мысль: *quare secedant improbi, secernant se a bonis, unum in locum congregentur, muro denique, [id] quod saepe iam dixi, secernantur a nobis* (In Cat., I, 13, 32), и далее окончательный успех в борьбе с Катилиной ставится в зависимость от согласного объединения усилий и «качеств» всех сословий: *polliceor hoc vobis, patres conscripti, tantam in nobis consulibus fore diligentiam, tantam in vobis auctoritatem, tantam in equitibus Romanis virtutem, tantam in omnibus bonis consensionem, ut Catilinae protectione omnia patefacta, inlustrata, oppressa, vindicata esse videatis* (там же).

В последней «Катилинарии» изображается небывалое объединение всего римского народа (выплоть до рабов!), готового якобы единодушно поддерживать сенат в его решении о казни заговорщиков. Здесь говорится о том, что все сословия и все возрасты предлагают свои услуги: *omnes adsunt, omnium ordinum homines, omnium generum, omnium denique aetatum* (In Cat., IV, 7, 14). Впервые со дня основания города произошло такое событие, которое объединило всех (за исключением тех, кого следует отнести к явным врагам) единством чувств и мнений: *causa est enim post urbem conditam haec inventa sola, in qua omnes sentirent unum atque idem* (там же). И дальше идет развернутое апологетическое описание той *concordia ordinum*, которой охвачены все слои населения, начиная от возродившегося союза между сенаторами и всадниками (*quos ex... dissensione huius ordinis (equestris) ad societatem concordiamque revocatos.... haec causa coniungit*) и вплоть до отношения к заговору отпущенников и даже рабов! (In Cat., IV, 7, 15—8, 16). Весь этот пассаж заключается суммарным выводом, в котором снова подчеркивается еще небывалое в политической практике единодушие всего народа: *.....habetis omnis ordines, omnis homines, universum populum Romanum, id quod in civili causa hodierno die primum videmus, unum atque idem sentientem* (In Cat., IV, 9, 19).

Успех этого «объединения», совпавший с наибольшим триумфом самого Цицерона как политического деятеля, навсегда окрылил его и с тех пор неизменно оставался для него тем образом и целью, к которой должно всегда стремиться. Совсем в иной политической обстановке, в отличных и в корне изменившихся условиях он неустанно продолжает пропагандировать *concordia omnium* и *consensus bonorum omnium*.

Эта мысль подчеркивается им в его речах по возвращении из изгнания. Так, например, он упоминает о том, что пожертвовал всем ради безопасности и согласия граждан¹; вспоминая о своем «прекраснейшем деянии» (т. е. опять-таки о победе над катилинариями), он не упускает случая подчеркнуть, что совершил его при всеобщем одобрении (*quod ex auctoritate senatus consensu bonorum omnium pro salute patriae gessissem*) (De domo sua, 35, 94). Рисуя современное тяжелое положение в государстве, он подчеркивает, что одним из показателей упадка является нарушение согласия сословий (*consensus ordinum est divulsus*) (De har. resp., 28, 60). Таким образом, «согласие сословий» есть неперенное условие и наиболее характерный показатель здоровья и крепости государственного организма, утрата же этого условия, по мнению Цицерона, свидетельствует о слабости, упадке, разложении республики.

В годы «анархии» и господства триумвиров и обострения социальных противоречий Цицерон продолжает пропагандировать свои излюбленные лозунги и подчеркивать значение *concordia* и *consensus* (Pro Sestio, 12, 27; 14, 36; 50, 106; De prov., 47). В своей речи за Милона, громоздя обвинения

¹ P. red. in Quir., I, 1: ... cum me fortunasque meas pro vestra incolumitate, otio concordiae devovi; cp. P. red. in sen., 1, 2; 11, 27.

против Клодия, он не забывает отметить, что тот разрушил достигнутое благодаря согласию сословий процветание и благополучие государства (*omnium ordinum consensu pro salute rei publicae gesta resciderat*) (Pro Mil., 22, 87). В этой же речи, восхваляя П. Лентула и перечисляя его достоинства, он к ним относит и то, что Лентул был *patronus publici consensus* (Pro Mil., 15, 39), о самом Милоне не упускает случая сказать, что тот избран консулом *summo consensu populi Romani* (Pro Mil., 9, 25).

В трактате *De re publica*, писавшемся именно в эти годы (54—51 г.) и вышедшем в свет позже речи Pro Milone, Цицерон, как мы видели, не только пропагандирует излюбленные им политические лозунги, но занят тем, чтобы дать им философско-теоретическое обоснование. Это обстоятельство доказывает со всей очевидностью, что *concordia ordinum* и *consensus bonorum omnium* не были для Цицерона только злободневными лозунгами, которые приспособлены и имеют значение лишь в определенной политической ситуации, но теми принципиальными и политическими задачами, той целью, к которой следует стремиться в любой обстановке. И, наконец, мы знаем, что в последние годы (и даже дни) своей политической деятельности Цицерон в «Филиппиках» неоднократно призывал к объединению всех благомыслящих, всех сословий против Антония (Phil., I, 30, 37, 3, 13, 5, 30; 36, 9, 8, 13, 34).

Можно ли сказать, что Цицерон искренне верил в ту идиллическую картину согласия сословий, якобы достигнутую благодаря его стараниям в период борьбы с Катилиной и которую он продолжал неустанно пропагандировать в качестве образца, достойного подражания и на будущие времена? Там, где искренности Цицерона мы можем доверять более всего, — в письмах к Аттику, мы сталкиваемся с несколько неожиданным отношением к этому вопросу. Здесь говорится: «...После этого Красс, видя выражение общего одобрения Помпею за то, что он, как полагали все присутствовавшие, относится сочувственно к моему консулату, поднялся в свою очередь и начал в самых ярких красках говорить о моем консульстве. Он утверждал, что если он еще сенатор, гражданин, жив и свободен, то всем этим он обязан мне. Всякий раз, как он видит свою супругу, дом, отечество, — он снова ощущает благодеяние, оказанное мною. А далее все то, что я имею обыкновение на различный манер расписывать в своих речах, для которых ты являешься Аристархом: о пламени, об оружии. Ты знаешь эти прикрасы. Всем этим он обильно и пышно уснастил свою речь. Но вот черед дошел до меня. Благие боги! О, как расхваливал я себя перед новым слушателем Помпеем. Блестящие периоды, красивые обороты, риторические измышления и построения сыпались как никогда. Что же дальше? Восторженное одобрение. Темой моей речи был достойный образ действий сената, единодушные всадников и всей Италии, уничтожение последних остатков заговора, дешевизна, общее спокойствие. Ты знаешь, как в таких случаях звучат мои речи. И на этот раз они гремели так сильно, что я могу упомянуть о них тем короче, что, надо полагать, отзвук их дошел и до ваших мест»¹.

Ирония, которая звучит в этом описании того самого «прекраснейшего деяния», которым так гордился Цицерон в своих официальных выступлениях, признание лозунга «согласия сословий» неотъемлемым и постоянным атрибутом изложения официальной версии подавления заговора — все это, с нашей точки зрения, может иметь лишь одно значение: лозунг *concordia ordinum* или *consensus bonorum omnium* был для Цицерона политической нормой, политическим «приемом» и целью и в качестве такового он был для Цицерона бесспорен, хотя реальное его осуществ-

¹ Ad. Att., I, 14, 3—4 (цитирую по переводу акад. А. И. Тюменева).

вление в эпоху борьбы с Катилиной было на самом деле более чем сомнительно. Однако это последнее обстоятельство никак не умаляло политической силы и звучания самого лозунга. Истинное отношение Цицерона к своим пропагандистским лозунгам, к их значению и к их выгоде можно, на наш взгляд, прекрасно объяснить, исходя из той политической позиции, которую рекомендует ему его брат Квинт и которая прекрасно «согласуется» с проповедью *concordia ordinum* и *consensus bonorum* (Cic., De rep. cons., 13, 53).

Перейдем к выводам о классовой сущности этих лозунгов, а следовательно, и учения о «смешанном государственном устройстве».

В противовес политическим лозунгам римской демократии, с их определенной партийной направленностью, лозунги Цицерона претендовали на некое «надпартийное» и «общегосударственное» значение. Есть все основания видеть в этом определенную нарочитость, определенную и сознательную установку Цицерона. Конечно, призыв к *concordia ordinum* или к *consensus bonorum omnium* и должен был восприниматься как призыв к тому, чтобы подняться над «партийными распрями», над «частными интересами» и объединиться во имя подлинных интересов «отечества». Бесспорно и то, что благодаря настойчивой пропаганде этих лозунгов Цицерону удалось приобрести среди широких кругов римского общества определенную репутацию. Так, например, среди народа, наполнившего улицы Рима после убийства Цезаря, раздавались призывы к свободе и часто назывались имя Цицерона. Он не принадлежал к заговорщикам и ничего не сделал для свержения «тирана», но имя его в такой момент приобрело особое обаяние: оно было символом республики, а не той или иной «партии», оно напоминало о благе и интересах «отечества» в целом.

Конечно, и мы это прекрасно знаем, для Цицерона понятие «отечество» отождествлялось на самом деле с понятием аристократической сенатской республики, и когда он скорбит о «гибели отечества», он имеет в виду гибель традиционного сенатского режима, но и это обстоятельство отнюдь не снижало политической силы лозунгов.

Интересам каких же прослоек господствующего класса отвечали эти ходовые лозунги Цицерона? Несмотря на свою «надклассовую» оболочку, они имели вполне определенный классовый смысл и четкую классовую направленность — они отражали интересы верхних слоев рабовладельческого класса, что и дается прежде всего формулой: блок сената и всадников. Что касается привлечения к этому союзу «благонамеренных представителей» других сословий и установления *consensus bonorum omnium*, то здесь, несомненно, имеется в виду как бы некая нейтрализация низших слоев господствующего класса, тем более, что, как нам известно, в Цицероновом «совершенном государстве» равенство прав граждан должно было сочетаться с «градацией по достоинству» (см. выше, стр. 81). Несомненно также, что политические лозунги Цицерона в какой-то мере отражали чрезвычайно усилившуюся в эту эпоху тенденцию к еще большему объединению и консолидации класса рабовладельцев. Этим и объясняется распространение лозунга *concordia ordinum* не только на два высших сословия, но и на представителей всех слоев свободного населения, при непременно условии их благонадежности (*boni*).

Таким образом, Цицерон выступает перед нами как выразитель классовых интересов высших слоев римского рабовладельческого общества. Его пропагандистские лозунги: *concordia omnium* и *consensus bonorum omnium*, имели, несмотря на свою «надпартийную» оболочку, вполне определенный классовый смысл. Учение же о смешанном государственном устройстве, представляющее собой центральную идею трактата *De re publica*, служило теоретико-философским обоснованием этих лозунгов.